

Алексис де Токвиль: контрреволюционный либерал и поборник религии

Ф. Пишо-Бравар

Университет Западной Бретани, Брест, Франция.

Аннотация

Статья посвящена анализу взглядов и деятельности Алексиса де Токвиля на посту главы Министерства иностранных дел Франции (со 2 июня по 31 октября 1849 г.). Изучение его деятельности в этот период значимо для лучшего понимания его политических представлений. Токвиль считается политиком и мыслителем, в работах которого присутствуют либеральные взгляды. Тем не менее, исследование его министерской деятельности дает представление о том, что Токвиль разделял и определенные консервативные идеи. В статье исследуется специфика его консерватизма. Также в статье показано, что деятельность Токвиля в качестве главы Министерства иностранных дел Франции демонстрирует причины его неприятия определенных аспектов либерализма. Так, например, Токвиль выявляет противоречия демократических форм правления. Он считает, что необходимо предпринимать определенные шаги, которые не позволили бы институтам демократической власти прийти к своей противоположности – деспотизму. Его действия во время римский экспедиции показывают уважение, которое он испытывал к католической религии, и важность, которую он за ней признавал. Религия в его глазах является не только одним из наиболее эффективных способов создания демократического общества, подверженного опасностям материализма, но и сердцем цивилизации, серьезно разрушенной революционной турбулентностью. Хотя Токвиль признается в страсти к свободе, все его сочинения свидетельствуют о его стремлении понять и нейтрализовать страсть к революции, которую он считал, подобно Берку или Шатобриану, опасной как для самой свободы, так и для достоинства человека. В глубине политического, социального, духовного и цивилизационного кризиса, который Запад переживает в начале третьего тысячелетия, размышления над работами Токвиля представляются более чем когда-либо необходимыми.

Ключевые слова: Токвиль, демократия, французская революция, Просвещение, церковь, контрреволюция, либерализм, свобода, Вторая Французская республика, западная цивилизация.

Филипп Пишо-Бравар – доктор права, доцент Университета Западной Бретани, лектор Католического института высших исследований (Ла-Рош-сюр-Йон, Вандея) и Католического университета Запада (Анже).
philippe.pichot@univ-brest.fr

Перевод с французского:

Руднева Елена Георгиевна – научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН.

roudneva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7534-7899>

Для цитирования: *Пишо-Бравар Ф.* Алексис де Токвиль: контрреволюционный либерал и поборник религии / пер. с франц. Е.Г. Рудневой // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 9. С. 105–127.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-105-127

Alexis de Tocqueville: A Counter-Revolutionary and Appreciating Religion Liberal

P. Pichot-Bravard

University of Western Brittany, Brest, France

Abstract

The article examines the views and activities of Alexis de Tocqueville during the period when he was the French Minister of Foreign Affairs (from June 2 to October 31, 1849). The study of his ministerial work is significant for a better understanding of his political conception. Tocqueville is considered a liberal politician and thinker. Meanwhile, the research demonstrates that Tocqueville shared certain conservative ideas. The article explores the specifics of his conservatism and reveals the reasons for his rejection of certain aspects of liberalism. For example, Tocqueville discusses the contradictions inherent in democratic forms of government. He believes that it is necessary to take certain steps that will not allow the institutions of democratic governance to evolve to its contrary, to despotism. Tocqueville's actions during his Roman expedition show the respect he had for the Roman Catholic religion and the importance he attached to it. Religion in his eyes is not only one of the most effective ways to create a democratic society, which is intrinsically vulnerable to the dangers of materialism, but also the core of civilization, seriously damaged by revolutionary turbulence. Although Tocqueville has a passion for freedom, all of his writings testify to his desire to understand and neutralize the passion for revolution, which he considered, not unlike Burke or Chateaubriand, dangerous both for freedom and for human dignity. In the midst of deep political, social, spiritual and civilizational crisis that the West is experiencing at the beginning of the third millennium, reflections on the works of Tocqueville seem more topical than ever.

Keywords: Tocqueville, democracy, French revolution, Enlightenment, church, counter-revolution, liberalism, freedom, Second French Republic, Western civilization.

Philippe Pichot-Bravard – Doctor of Law, Associate Professor of the University of Western Brittany; lecturer, Catholic Institute of Higher Stud-

ies (La Roche-sur-Yon, Vendée); lecturer, Catholic University of the West (Angers).

philippe.pichot@univ-brest.fr

Translated from French into Russian by:

Elena G. Rudneva – Research Fellow at the Department of the History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

roudneva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7534-7899>

For citation: Pichot-Bravard P. (2019) Alexis de Tocqueville: A Counter-Revolutionary and Appreciating Religion Liberal (E.G. Rudneva, Trans.). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 9, pp. 105–127. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-105-127

Введение. Токвиль и революция

«Я не принадлежу к числу тех, кто с уверенностью утверждает, что трагическая кровопролитная революция, длящаяся уже шестьдесят лет, должна обязательно и повсеместно привести нас к свободе. Напротив, я считаю, что она может повлечь за собой повсеместное распространение деспотизма» (цит. по: [Rials 1987, 163]). Эти слова, написанные Алексисом де Токвилем 14 января 1852 г. в письме графу де Шамбору, свидетельствуют об опасениях автора «Демократии в Америке» и побуждают обратить внимание на некоторые идеи его книги, весьма интересные, но часто оставляемые без внимания.

Тема Французской революции занимает первостепенное место в работах Токвиля. Родившись в семье, которая сильно пострадала от революционного террора, Токвиль задается целью понять глубинное значение этого события и предсказать последствия, к которым оно может привести. Революция его пугает и в то же время привлекает. Он тщательно и всесторонне изучает все ее аспекты и пытается понять ее значение. Он считает, что революция еще не закончилась. Она продолжает потрясать общество до самого основания, возрождаясь из пепла, когда ее уже считают угасшей. Закончится ли она когда-нибудь? Токвиль хочет на это надеяться, но сомневается: «Увы, я сам на это надеялся при Реставрации и даже после того, как правительство Реставрации пало; и вот Французская революция снова начинается, потому что это всегда одно и то же... не придем ли мы в конце концов к периодически возникающей анархии, этой затяжной и неискоренимой болезни, хорошо известной старым народам?» [Tocqueville 1964, 89]. Родившись в аристократической семье в эпоху заката аристократии, Алексис де Токвиль убежден, что возрастающее уравнивание общественного положения людей обязательно приведет запад-

ный мир к победе демократии. Его исследовательский интерес к демократии оказался весьма плодотворным. Он не столько воздает должное американским институтам, сколько высказывает свою убежденность в том, что успех демократии неизбежен. Но это его вовсе не радует, подобная убежденность не означает, что он отказался от своих аристократических корней и перестал презирать толпу. По словам Луи Жирара, «он аристократ... Его любовь к свободе коренится в той аристократической гордости, которая составляет основу его характера» [Girard 1985, 148]. Революционная эгалитарная демократия его чрезвычайно страшит. Он считает, что она представляет опасность для свобод и достоинства человека – его двух политических пристрастий.

Концепции свободы и либерализм

За страстное стремление к свободе Алексиса де Токвиля обычно относят к числу либеральных мыслителей. Мы вовсе не оспариваем подобное суждение, однако считаем необходимым внести некоторые уточнения. Можно выделить четыре формы либерализма, более или менее автономные друг от друга: 1) традиционный, христианский в своей основе, либерализм, сопряженный со свободами и установившейся практикой промежуточных органов управления, противостоящий всевластию государства, либерализм, который в XVI и XVII вв. питал борьбу «недовольных» против современного государства и который нашел отражение в работах герцога Сен-Симона и Эдмунда Берка; 2) конституционный либерализм, предполагающий подчинение правителя или правящих структур власти закона, стоящего над ними и предполагающего осуществление процедуры контроля за конституционностью законодательства; 3) экономический либерализм, основанный на праве собственности и свободной торговле; 4) философский, индивидуалистический и релятивистский либерализм, лежащий в основе философии Просвещения.

Последний подразделяется на две школы (см.: [Росcock 1997; Spitz 1995]), противостоящие друг другу на протяжении всего XVIII в.: индивидуалистический либерализм и политический либерализм. Первый, основанный на «рыночном гуманизме», призывает всех наслаждаться материальными благами и поручает государству разрешать конфликты интересов. Второй, питаемый греко-римской традицией, превозносит общественные добродетели, настороженно относится к власти денег и призывает каждого гражданина участвовать в общественных делах [Saint-Victor 2007, 9–20]. Если Монтескье и Бенжамен Констан приветствуют все четыре формы либерализма, Алексис де Токвиль, в сущности, поддерживает только первые две, третью он хотел бы сочетать с социально-христианским мировоззрением, о чем свиде-

тельствуют его «Записки о пауперизме», а четвертую категорически отвергает.

Либерализм Токвиля, в основе которого лежит христианская свободная воля¹, носит если не аристократический, то во всяком случае традиционный характер. Это политический либерализм, противостоящий власти государства, которая все более централизуется и стремится навязать суверену уважение к закону. Хотя он считает эгалитарную концепцию свободы более «справедливой» [Tocqueville 1988, 79–81], он тем не менее отмечает, что этой свободы стало меньше, она пошла на убыль с тех пор как стала доступна всем, как если бы она по своей природе не была предназначена только для аристократических обществ: «Таким образом, несправедливо полагать, что Старый порядок был эпохой рабства и зависимости. В те времена свободы было гораздо больше, чем в наши дни, но это была беспорядочная и неровная свобода, всегда искаженная классовыми ограничениями, всегда связанная с идеей чьей-либо исключительности и привилегии» [Токвиль 1997, 98]. Либерализм Токвиля конкретен, он касается местного самоуправления, свободы духа и независимости правосудия; его либерализм идет в связке с религией, под сенью которой он пустил свои корни. Либерал Токвиль не слишком верен наследию эпохи Просвещения [Giovacchini, Vannier 1985; Antoine 2003, 175; Martin 2008, 307–310]. В отличие от большинства своих современников, он в полной мере осознает антропологический редукционизм философии Просвещения². В противоположность Вольтеру или Дидро Токвиль придерживается идеи об единстве человеческого рода, отвергая расистские взгляды своего бывшего начальника Гобино. Он не согласен, что философия эпохи Просвещения «в своей основе антирелигиозна» [Токвиль 1997, 13]. Он отвергает индивидуализм, утилитаризм и

¹ В письме г-же Свечиной от 26 февраля 1857 г. Токвиль пишет: «Я твердо убежден... что в мире ином воздастся за добро и зло, поскольку Бог позволил нам их различать и дал нам свободу выбора» [Tocqueville 1983b, 314–315]. Заметим здесь, что богословы могли бы поспорить об использовании глагола «позволить», т.к. это «позволение» зиждется на непослушании первого человека Богу.

² Так, по случаю переписки г-жи Дефан с Горацием Уолполом от 21 ноября 1852 г.: «...Бурдалу не смог бы так выразить, как она сама это делает вольно или невольно, душу этой старой дамы, которая в течение шестидесяти лет была терзаема философией XVIII в. Какие ужасные руины! Полное разрушение всех нравственных сил, предельный эгоизм, всеобщее равнодушие, всепожирающая скука, доходящая до отвращения к жизни в сочетании со страхом смерти, постоянное безотчетное волнение, не дающее ни минуты покоя, хотя всякое действие или не вызывает интереса, или тяготит, я возьмусь утверждать, что это лучше, чем самая прекрасная проповедь» [Tocqueville 1983b, 64–65].

материализм, усматривая в них опасность. Он полагает, что «вера в духовное, бессмертное начало, временно соединенное с материей... необходима для величия человека» [Токвиль 2000, 399]. Возражая против «зловредных теорий, согласно которым со смертью всякая жизнь прекращается», Токвиль добавляет: «Материализм — это опасная болезнь человеческого духа... особенно страшен он для демократического народа, так как он превосходным образом сочетается с теми пороками сердца, которые лучше всего знакомы людям, живущим при демократии», а именно «склонности к материальным удовольствиям» [Токвиль 2000, 399].

Хотя Токвиль восприимчив к либеральному энтузиазму лета 1788 г., он не склонен быть продолжателем идей 1789 г.³ Еще будучи учеником Гизо в Сорбонне, он испытал на себе влияние идей доктринеров, вначале пользовавшихся благосклонностью Руайе-Коллара, с которым его связывает взаимное восхищение [Meuwly 2002, 126, 190–192]. Он глубоко враждебно относится к цесаризму и монтаньярству — двум крупным политическим течениям, авторитарному и эгалитарному. Хотя Токвиль не испытывал симпатии к республиканскому способу правления⁴, тем не менее он лояльно воспринял Вторую республику, поскольку намеревался «предотвратить установление незаконнорожденной монархии Луи-Наполеона» [Tocqueville 1964, 333]. Столкнувшись в 1849 г. с угрозой деспотизма и социализма, он приходит к выводу, что консервативно-республиканское правление — единственно возможное решение⁵. Однако он остается монархистом [Леса 1988, 719–721], «независимым монархистом», по

³ Безусловно, некоторые его предвыборные заявления неоднозначны; обеспокоенность интересами зажиточных крестьянских хозяйств Котантена и большие политические амбиции Токвиля, по крайней мере, в начале его карьеры, иногда напускают туману в его рассуждения.

⁴ «Мне глубоко неприятны монтаньяры и я вовсе не дорожу республикой, но я люблю свободу...», пишет он в 1851 г. по поводу революционных событий июня 1848 г. [Tocqueville 1964, 256].

⁵ Мы видим, как Токвиль сформулировал свою позицию в 1851 г., когда он склонялся принять приглашение в кабинет министров: «Я никогда не был так убежден, как сейчас, что республиканское правительство более всего отвечает интересам Франции... Впрочем, я всегда полагал, что республика — несбалансированная форма правления, она всегда обещает больше, но всегда дает меньше свободы, чем конституционная монархия. И тем не менее, я искренне желал сохранения республики... поскольку не видел ничего, что могло бы занять ее место. Старая династия вызывала глубокую антипатию большей части народа... Что касается Орлеанской династии, то опыт их правления не способствовал желанию, чтобы они так скоро вернулись...» [Tocqueville 1964, 310–311].

утверждению Ксавье де Ла Фурньера⁶. Хотя Токвиль испытывает настоящую симпатию к графу де Шамбору, он не желает вовлекаться в династические ссоры, но предпринимает определенные усилия к образованию коалиции, о чем свидетельствуют письма, которыми он обменивается с Франциском де Корселем в 1850–1853 гг.

Монархизм и противоречия эгалитарной демократии

В 1830 г. Токвиль, преодолев внутреннюю борьбу, присягнул Луи-Филиппу, с сожалением вспоминая о Карле X, к которому он испытывал привязанность в силу «доставшейся по наследству верности». Его семья, сильно пострадавшая от террора, всегда придерживалась католических и легитимистских традиций; отец Алексиса, Эрве де Токвиль, служил префектом при Реставрации, а в 1827 г. был возведен в пэры Карлом X. В марте 1833 г. Токвиль блестяще и убедительно выступил перед судом присяжных Монбризона в защиту своего друга Луи де Кергорле и его отца, графа Флориана де Кергорле, бывшего пэра Франции, которых преследовали за связи с герцогиней Беррийской. Позже он входит в Общество благотворительной экономики – парламентскую группу, состоящую из депутатов социально-христианского толка, которые, за исключением Токвиля и его друга Корселя, официально считаются легитимистами. Спустя время, уже будучи министром иностранных дел, он обращается к принцу-президенту с ходатайством о помиловании последних оставшихся в живых участников восстания шуанов, заключенных в крепость Мон-Сен-Мишель. После государственного переворота Луи-Наполеона Бонапарта он становится выразителем идей группы либеральных монархистов, сформировавшейся вокруг графа де Шамбора [Rials 1987, 161–166]. Обратившись к нему с письмом 14 января 1852 г. Токвиль считает графа де Шамбора лучшим союзником для противодействия новому режиму при условии, что перед лицом угрозы цезаризма он будет гарантом свободы в глазах общественного мнения. Чтобы смягчить негативное отношение большей части страны к старой династии [Tocqueville 1964, 310]⁷, «необходимо, чтобы он (граф де Шамбор) символизировал в глазах французов законную свободу и

⁶24 февраля 1848 г. в разгаре беспорядков он предпринял попытку убедить Ламартина передать регентство герцогине Орлеанской; однако он не любил Луи-Филиппа и, более того, был невысокого мнения о средних классах, которые в период Июльской монархии показали свою неспособность к управлению.

⁷Согласно Токвилю, «старая династия вызывает глубокую антипатию у большей части страны» [Tocqueville 1964, 310], поскольку народ отвергает старый порядок и старые привилегии, которые его символизируют.

предоставил достаточные гарантии свободе духа» [Rials 1987, 164], он советует ему «принять твердое и окончательное решение о восстановлении во Франции исключительно конституционной и представительной монархии с ее основными признаками, к которым он относит: 1) гарантию свободы личности; 2) подлинно национальное представительство; 3) свободу и полную публичность парламентских дискуссий; 4) реальную свободу печати» [Rials 1987, 165]. Речь идет о восстановлении монархии в соответствии с Хартией 1814 г., монархии в сочетании со всеобщим избирательным правом, в рамках которого парламент был бы «поначалу очень урезан в своих полномочиях и ограничен в продолжительности своей работы», что исключает всякую идею национального суверенитета, монархии, уважающей свободу подконтрольной печати во избежание «злоупотребления этой опасной свободой» [Rials 1987, 165]. Хотя Генрих V оставит без ответа письмо Токвиля, он все же поддержит его идеи, и они будут отражены в манифесте, опубликованном 5 июля 1871 г.⁸

Разрываясь между искренней преданностью исчезающему, по его мнению, порядку и стремлением содействовать расцвету демократии, которую он считает неизбежной, Токвиль задается вопросом, как сохранить существование свобод и человеческого достоинства в рамках эгалитарной демократии, которая должна установиться: «Речь идет не о том, чтобы восстановить аристократическое общество, но сделать так, чтобы свобода родилась в том демократическом обществе, в котором нам завещано жить Богом», – писал он в «Демократии в Америке» [Токвиль 2000, 499].

Сохранить свободы в рамках эгалитарной демократии? Весьма амбициозная задача. Для ее решения Токвиль отправляется в длительную поездку по ту сторону Атлантики с официальной целью изучить американскую пенитенциарную систему и исследует устройство американского демократического общества, которое, как ему представляется, может в будущем распространиться на старые западные нации. В 1835 и 1840 гг. выходит в свет двухтомный труд «Демократия в Америке» – плод его размышлений, в заключении которого он высказывает тревожные мысли и пророческие предсказания.

Токвиль хочет «представить себе, в каких новых формах в нашем мире может развиваться деспотизм» [Токвиль 2000, 496]. Он видит «неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках малень-

⁸ «Мы предоставим гарантии тех социальных свобод, на которые имеют право все христианские народы, – честное применение всеобщего избирательного права и контроль за обеими палатами» (цит. по: [Rials 1987, 235]).

ких и пошлых радостей, заполняющих их души» [Токвиль 2000, 497]. Индивид, сведенный к минимуму, к телесной оболочке, занят только удовлетворением материальных потребностей. Стремление людей к равенству, которое зачастую является лишь неким «извращенным отношением», подпитываемым завистью, превратило весь народ в «стадо пугливых и трудолюбивых животных» [Токвиль 2000, 497]. Равенство порождает единообразие, душит свободу: «...равенство вызывает в них страсть, пылкую, неутолимую, непреодолимую и необоримую; они жаждут равенства в свободе, и, если она им не доступна, они хотят равенства хотя бы в рабстве. Они вынесут бедность, порабощение, разгул варварства, но не потерпят аристократии» [Токвиль 2000, 373]. И «правительство выступает пастырем» этого «стада». Всомогущество государства было существенно усилено административной централизацией и изоляцией людей, «взятых в отдельности» и «безразличных к судьбе всех прочих». Больше нет посреднических органов, которые могли бы защитить их от «гигантской охранительной власти». Впрочем, кому придет в голову, что от власти нужно защищаться? Разве эта власть не «охотно работает на всеобщее благо»? «Она заботится о безопасности граждан, предусматривает и обеспечивает их потребности, облегчает им получение удовольствий, берет на себя руководство их основными делами, управляет их промышленностью, регулирует права наследования» [Токвиль 2000, 497]. Она завладевает всем. Правитель осуществляет тотальный контроль за жизнью каждого человека, заключая его «в крепкие объятия» и «лепит из них то, что ему необходимо». «Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова». Ласковая власть опасна тем, что парализует всякое противодействие: Правитель «не сокрушает волю людей, но размягчает ее, сгибает и наклоняет; он редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе; он ничего не разрушает, но препятствует рождению нового; он не тиранит, но мешает, подавляет, нервнрует, гасит, оглушает» [Токвиль 2000, 497]. Свобода задущена «сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают наиболее оригинальным умам и крепким душам вознестись над толпой». Свобода мысли тоже несет потери. В демократических обществах «границы мыслительной деятельности, определенные большинством, чрезвычайно широки» [Токвиль 2000, 200], но те, кто выходит за эти границы, оказываются в строгой социальной изоляции: «В их пределах писатель свободен в своем творчестве, но горе ему, если он осмеливается их преступить. Конечно, ему не грозит аутодафе, но он сталкивается с отвращением во всех его видах и с каждодневными преследованиями», ужасными гонениями, поскольку «в демократических республиках» «тирания» старается не

использовать цепи и палачей. Она не покушается ни на жизнь, ни на блага. Ее «не интересует тело, она обращается прямо к душе» и ранит свободного человека социальным отчуждением, которое изолирует его от современников. Отныне «ни один писатель, какой бы ни была его слава, не свободен от обязанности курить фимиам своим согражданам» и восхвалять «большинство, живущее в непрестанном самообожании» [Токвиль 2000, 200].

Эта тихая тирания тем более опасна, что «может сочетаться... с некоторыми внешними атрибутами свободы» [Токвиль 2000, 497]. Демократическая форма правления ее укрепляет, призывая людей к послушанию: «Каждый отдельный гражданин согласен быть прикованным к цепи, если он видит, что конец этой цепи находится в руках не одного человека и даже не целого класса, а всего народа. При такой системе граждане выходят из зависимости лишь на момент избрания своего хозяина, а затем вновь попадают в нее» [Токвиль 2000, 497]. Эгалитарная демократия в конечном итоге убедит людей рассматривать утрату их свобод как «благо». Токвиля не радует эта перспектива, и он пытается найти какой-то выход, не очень веря в успех.

Пытаться противостоять «гигантской охранительной власти» и ее новым формам, в каких «в нашем мире будет развиваться деспотизм» [Токвиль 2000, 497], – сложная задача, потому что «основой демократических форм правления является безраздельная власть большинства, так как, кроме него, в демократических государствах нет ничего постоянного» [Токвиль 2000, 194]. Империя большинства носит гораздо более абсолютистский характер, чем империя «монархов, располагающих самой неограниченной властью» [Токвиль 2000, 199]. Токвиль считает, что абсолютная власть представляет опасность; она пагубно влияет на слабости людей, призванных ее осуществлять: «Всевластие само по себе дурно и опасно. Оно не по силам никакому человеку. Оно не опасно только Богу, поскольку его мудрость и справедливость не уступают его всемогуществу. На земле нет такой власти, как бы уважаема она ни была и каким бы священным правом ни обладала, которой можно было бы позволить действовать без всякого контроля или повелевать, не встречая никакого сопротивления» [Токвиль 2000, 198].

Чтобы воцарились свобода и справедливость, необходимо ограничить власть правителя. Токвиль не верит в эффективность «так называемого смешанного правления», которое «всегда казалось» ему «химерой». «Действительно, смешанного правления (в том смысле, в котором обычно употребляют эти слова) не существует, поскольку в каждом обществе в конце концов какой-либо один принцип действия подчиняет себе все остальные» [Токвиль 2000, 197]. Несмотря на то, что Токвиль предпочитает конституционную монархию, он воздерживается от точного опреде-

ления конституционной системы, которая бы эффективно ограничивала демократию. Он достаточно реалистичен, чтобы не понимать, что институциональное устройство в значительной степени зависит от обстоятельств места и времени. Токвиль – классик. Он убежден, что даже самая просвещенная система не сможет противостоять греховности людей. Поэтому он приходит к рассмотрению, при каких условиях человек демократической эпохи может возвыситься до добродетели, и в этой связи указывает на важность религии. Он не настаивает на какой-то строгой системе, а дает общую характеристику: «Но ведь может существовать и такой законодательный корпус, который бы представлял большинство, не будучи рабом его страстей, такая исполнительная власть, которая располагала бы своими собственными силами, и, наконец, судебная власть, независимая от двух первых. И тогда правление будет также демократическим, но не будет почти никакой возможности для возникновения произвола» [Токвиль 2000, 198]. Считает ли он, что эта «исполнительная власть, которая располагает своими собственными силами» должна осуществляться наследственным монархом? Вероятно, да, поскольку избранный глава государства не располагал бы «своими собственными силами». Это подтверждается и тем, что Токвиль выказывает предпочтение конституционной монархии. Токвиль дает пояснения и по другим вопросам, показывая преимущества двухпалатной системы, двухстепенных выборов, несменяемости судей и разумно неспешной разработки законов⁹.

Как хороший юрист и потомок своего прадеда Ламуаньона де Мальзерба, имевший в своем роду целое созвездие авторитетных парламентариев, Токвиль возлагает большие надежды на правовое регулирование, которое независимая судебная власть может привнести в демократический способ правления. Он подхватывает идею, уже высказанную Берком в «Размышлениях о революции во Франции». С одной стороны, по его мнению, «правосудие ограничивает права каждого народа» [Токвиль 2000, 197]. Оно смягчает некоторые черты демократии. Однако правосудность судебной власти зависит от форм, «достоинство» которых заключается в том, чтобы «служить барьером между сильным и слабым, управляющим и управляемым», что делает их «весьма полезными для свободы» и столь необходимыми демократическим обществам для защиты людей от власти суверенного государства [Токвиль 2000, 501]. С другой стороны, Токвиль пишет о Соединенных Штатах: «Сословие законоведов служит в этой стране

⁹В рамках своего участия в конституционной комиссии 1848 г. Токвиль предлагает разработать процедуру по «подготовке закона... без излишней поспешности и после детального обсуждения» [Tocqueville 1990, 97].

самым мощным и, можно даже сказать, единственным противовесом демократии» [Токвиль 2000, 208]. Они, словно носители аристократического духа, способны облегчить воздействие демократического правления: «В стране, где законоведам удастся беспрепятственно занять то высокое положение, которое принадлежит им по праву, они станут в высшей степени консервативными и антидемократичными» [Токвиль 2000, 206]. Они станут бдительными стражами конституционного строя.

Религия и государство

Для предотвращения наступления демократического деспотизма, Алексис де Токвиль не довольствуется разработкой институциональных средств правовой защиты. Он достаточно проницателен, чтобы понимать, что лучшие институциональные средства будут бессильны перед деградацией общественного сознания и ментальности. Поэтому он говорит о необходимости формировать правильное общественное мировоззрение. С одной стороны, он убежден, что путем децентрализации и развития местного самоуправления можно подготовить наибольшее количество индивидов к эффективному исполнению политических обязанностей. В то же время он считает необходимым, чтобы религия занимала важное место в обществе, способствуя совершенствованию человеческой природы и уберегая людей от пагубного влияния материалистических идей: «Республика, за которую они выступают, значительно больше нуждается в вере, чем монархия, с которой они борются, а демократическая республика – более, чем какая-либо другая. Разве может общество избежать гибели, если при ослаблении политических связей моральные связи не будут укрепляться? И как можно управлять свободным народом, если он не послушен Богу?» [Токвиль 2000, 225]. И далее: «Поэтому, когда какая-нибудь религия пускает в недрах демократического общества глубокие корни, надо быть очень осторожным, чтобы их не повредить; скорее, их следует бережно охранять как самое дорогое наследие аристократических времен» [Токвиль 2000, 399]. Это важная задача. Токвиль действительно считает, что «вера в духовное, бессмертное начало, временно соединенное с материей... необходима для величия человека». Высказываясь против «зловредных теорий, согласно которым со смертью всякая жизнь прекращается», он констатирует: «Для всех наций материализм – это опасная болезнь человеческого духа, но особенно страшен он для демократического народа, так как он превосходным образом сочетается с теми пороками сердца, которые лучше всего знакомы людям, живущим при демократии», а именно «склонности к материальным удовольствиям» [Токвиль 2000, 399].

Выступая в защиту духовных ценностей от материалистических идей, Токвиль относится к выбору религии далеко не так индифферентно, как предполагает его выражение «какая-нибудь религия». Он католик, и глубоко благоговееет перед Богом. Но этот усердный читатель Бурдалу и Боссюз мучается сомнениями. Всем своим существом он жаждет обрести Истину, о чем свидетельствует круг его чтения. У него нет Веры. В письме от 26 февраля 1857 г. Токвиль признается г-же Свечиной в «непрекращающемся и всегда тщетном» стремлении духа «к определенности, которая всегда ускользает, потребность в которой ощущается вероятно более, чем у любого другого человека, и менее, чем кто-либо другой, он способен безмятежно ею наслаждаться», добавляя: «Я непрестанно размышляю над проблемой человеческого существования, и эти размышления доводят меня до изнеможения. Я не в состоянии постичь эту тайну и не могу оторвать от нее глаз. Она меня то восхищает, то обескураживает. В этом мире человеческая жизнь не поддается объяснению, а в мире ином страшит. Я твердо верю в загробную жизнь, поскольку Бог, который в высшей степени справедлив, дал нам о ней представление; в мире ином воздается за добро и зло, поскольку Бог позволил нам их различать и дал нам свободу выбора; но помимо этих ясных представлений все, что находится за пределами этого мира, видится мне окутанным тьмой и приводит меня в ужас» [Tocqueville 1983b, 314–315]. Это признание Токвиля не может не вызывать нашу симпатию, как и письмо, которое он написал своему другу Корселю 1 августа 1850 г.¹⁰ С шестнадцатилетнего возраста человек терзается сомнениями, он верит в Бога, но его, похоже, не волнуют вопросы милосердия и любви Бога — отца своих творений. Лучи этого милосердия не согревали и не освещали его душу до последних недель его жизни. Токвиль, как представляется, обрел мир в душе лишь незадолго до своей смерти, благодаря совместным усилиям его жены и священника из Канн, которому он исповедовался перед причастием [Jardin 1984]. Эти сомнения отчасти могут объяснить, почему Токвиль никогда не считал возможным относить себя к либеральным католикам, к которым он был весьма близок, о чем свидетельствуют похвалы, иногда адресованные к Фаллу или Дюпанлу. Они также могут объяснить его сдержанную позицию при определенных обстоятельствах. Он полагается только на старания людей, полностью отрицая помощь Провидения, в отличие от Монталамбера или Вейо. Тем не менее та

¹⁰ «Я уже не раз прошел теми дорогами, которые, как я полагал, могли бы привести меня к истине; я их прошел, как мне представляется, с открытым сердцем и конечно же со страстным желанием обрести убежденность, но они меня привели только к огромной бездонной черной дыре, в которой беспорядочно мельтешат человеческие мнения...» [Tocqueville 1983b, 29].

роль, которую сыграл Токвиль в 1849 г. во время римской экспедиции, свидетельствует о его симпатиях к Церкви и религии.

По решению генерала Кавеньяка весной 1849 г. в Рим была отправлена экспедиция под началом Луи-Наполеона Бонапарта с целью восстановить светскую власть папы римского, который был изгнан из Вечного города в результате революционных выступлений. Эта экспедиция была одобрена правительством, состоявшим в основном из левоцентристских орлеанистов, и Токвиль, похоже, был единственным, кто наряду с министром народного просвещения и культов Фаллу проявлял озабоченность вопросами религии и ее интересами. Будучи либералом, и в качестве такового получивший министерский портфель, Токвиль становится самым верным и преданным союзником Фаллу. Стремясь сохранить поддержку легитимистской партии и ее ста шестидесяти депутатов, он вскоре станет единственным посредником между ними и правительством¹¹. В личной переписке эти два человека не скрывают своего уважения друг к другу¹². Это неудивительно, поскольку их взгляды гораздо в большей степени близки, чем принято считать. Либерал-контрреволюционер, с уважением относящийся к религии, Токвиль во время римской экспедиции окажется в ловушке между непримиримой позицией папского двора и требованиями принца-президента.

Назначенный 2 июня 1849 г. министром иностранных дел, Алексис де Токвиль сосредоточил свои усилия на римской экспедиции и реставрации Пия IX, которая должна была проходить в либеральном ключе, потому что «либеральная реставрация... необходима и для нашей славы во Франции, и для нашего влияния в Италии, и, возможно, еще более для будущего католической веры во всем мире», – считает он [Tocqueville 1983a, 277]. В решении этой задачи он опирается на поддержку своего друга Франциска де Корселя, либерального католика и члена парламента от департамента Орн с 1837 г., который отправляется с миссией в Рим сроком на шесть месяцев.

Несмотря на то, что как депутат Токвиль проголосовал за выделение кредитов на финансирование этой экспедиции, он высказывает «полное неодобрение... характеру ее проведения» [Tocqueville 1964, 322].

¹¹ Так, когда Фаллу объявил амнистию восставшим роялистам, которые с 1832 г. томились в тюрьме Мон-Сен-Мишель, ее «весьма горячо и весьма благородно», как напишет он в своих «Мемуарах», поддержал только Токвиль.

¹² Фаллу приветствует «потрясающую простоту и потрясающую верность» нормандца (Токвиль принадлежал к аристократическому нормандскому роду. – *Прим. пер.*) [Falloux 1888, 520], тогда как последний никогда не упускает случая в своей переписке и своих «Воспоминаниях» выразить уважение анжуйцу, восхищаясь силой его убеждений и умелостью.

Он опасается, что эта экспедиция спровоцирует революцию во Франции. «Этот злополучный римский вопрос разрастается до размеров горы, которая угрожает обрушиться на нас... В этом деле допущено много ошибок, мы никогда еще не давали столько преимуществ красной республике. И она этим весьма ловко пользуется», — признается он Корселя 10 июня 1849 г., всего за несколько дней до парижского восстания, руководимого Ледрю-Ролленом [Tocqueville 1983a, 249]. И далее он пишет: «Мы ожидаем завтра яростных атак со стороны монтаньяров, о которых мы бы не слишком беспокоились, если бы за монтаньярами не стояло население Парижа, которое, как нам сообщают, весьма волнуется» [Tocqueville 1983a, 250]. Как он позже напишет в своих «Воспоминаниях», в новом созыве Национального собрания «мы дышали воздухом гражданской войны» [Tocqueville 1964, 320]. Беспокойство Токвиля так велико, что он и его друзья в правительстве начинают переоценивать волнения населения, произошедшие во многих провинциальных городах¹³.

Токвиль желает восстановления светской власти папы. Он считает, что она является необходимым условием автономности Церкви, о чем сообщает с трибуны Национального собрания Франции 6 августа 1849 г. Он также хочет призвать Папу реформировать администрацию папских провинций, поскольку считает, что реформы необходимы для их дальнейшего существования. «Мы не перестаем ощущать сильнейшее желание, чтобы необходимые реформы... были осуществлены в папских провинциях. Мы желаем этого не только потому, что имеем предрасположение к подобным вещам, но также и потому, что они необходимы для сохранения светской власти папы и величия католической церкви в мире», — заявляет он с трибуны Национального собрания 6 августа 1849 г. во время дебатов, оппонируя христианскому демократу Арно, депутату от департамента Арьеж [Tocqueville 1990, 329]. И добавляет: «Я убежден, что если Святой Престол не внесет существенные реформы в конституцию папских провинций, в их законодательство, в их судебную и административную практику, если к ним не добавятся либеральные институты, соответствующие с нынешним положением народов, я убежден, говорю я вам, что каким бы могущественным ни был этот старейший институт светской власти пап, как бы ни были сильны руки, протягивающиеся от одного конца Европы до другого в попытке ее удержать, эта власть скоро будет в большой опасности. Я в этом глубоко убежден. Я так думаю, я этого опасаясь, но надеюсь, что этого не произойдет» [Tocqueville 1990, 329–330].

¹³ Действительно, доклады префектов отражали их панические настроения. Призрак революционных событий июня 1848 г. витал над дворцами республики.

Какие же реформы необходимы, по его мнению? Вполне стандартные. Ничего, что было бы априори неприемлемо для Святого Престола, поскольку речь идет о том, чтобы «умолять Святого Отца продолжать идти по пути, на который он однажды ступил по своей благородной и героической инициативе» [Tocqueville 1990, 331], а именно, возобновить реформы, проведенные Пием IX в 1846–1848 гг.: гарантировать муниципальные свободы, создать совещательный орган, члены которого будут выбираться папой из списков избранных граждан, создать административный орган, называемый «Консультат», который будет обсуждать вопросы бюджета и который папа имеет право распустить в случае необходимости, осуществить истинную секуляризацию управления мирскими делами. Из всех ожидаемых реформ секуляризация светской администрации и гражданских судов представляется министру Токвилю наиболее важной.

Кроме того, Токвиль намеревается очистить папскую администрацию от устаревших практик, излишне раздражающих население, в частности путем реформирования церковных судов. В этом отношении на министра иностранных дел, по-видимому, сильно влияют высказывания искренних католиков, во время его поездок в Италию отмечавших плачевные последствия некоторых видов практической деятельности папской администрации. «Все, даже самые религиозные люди, прибывающие из Италии, в высшей степени поражены всеобщим недовольством, которое церковное правление вызывает у населения, и весьма поддерживают идею о том, что оно нуждается в существенном реформировании, в том числе во имя интересов церкви и сохранения светской власти папы. Живущие в Италии церковные деятели (в том числе аббат Гербе), твердо придерживаются такого мнения», – признается он Корселя 14 июля и добавляет: «В итоге, я постоянно встречаю людей, не придерживающихся религиозных убеждений, которые... считают, что некоторые уступки со стороны папы не имеют большого значения, и напротив, я вижу религиозных людей, сообщающих мне, что народ Италии выражает противоположное мнение» [Tocqueville 1983a, 311]. Он еще хранит воспоминания о состоявшейся несколькими годами ранее поездке в Италию, и они подтверждают его наблюдения, но поскольку Корсель утверждает обратное, Токвиль в конце июля начинает сомневаться в его объективности.

Пострадав от революции 1848 г., Пий IX начинает уже более благосклонно прислушиваться к мнению консервативных членов курии, и в первую очередь – государственного секретаря кардинала Антонелли. Вся политика Токвиля будет заключаться в попытках изолировать Папу от его консервативного окружения, чтобы убедить его осуществить необходимые реформы и объявить широкую амнистию. Трудность заключается в том, что министру-католику на службе

государства с преимущественно католическим населением приходится вести переговоры по светским вопросам с Папой, который остается прежде всего духовным лидером церкви. Токвиль сталкивается с теми же трудностями, с которыми встречалось большинство христианских правителей Запада со времен Константина и Пипина Короткого. Он демонстрирует в отношении викария Христа гораздо большее уважение, чем в отношении многих христианских и апостолических правителей. Действительно, революционный контекст XIX в. существенно сокращает возможности политического маневра католических правителей. Недостаточно уважительное отношение к Святому Престолу может быть немедленно воспринято если не как сговор с противниками католицизма, то как поощрение их позиции. Это тяжелая ответственность как для министра, так и для христианина. Таким образом, чтобы убедить папу принять реформы, которые он считает необходимыми и которыми Франция как республиканская форма правления должна оправдать свое военное вмешательство в глазах общественности, Токвиль предлагает Корселя убедительную аргументацию: «Независимо от того, что не подобает угрожать святому отцу, как угрозы могут повлиять на дух преподобного...? Очевидно, что только путем убеждения и обращения к сознанию Пия IX мы можем надеяться на смягчение его воли» [Tocqueville 1983a, 256]. Министр иностранных дел не отступит от этой линии поведения и заявит с трибуны Национального собрания 18 октября 1849 г.: «Правительство Франции никогда не помышляло о злоупотреблении силой, имеющейся в его распоряжении, с целью подавить волю Святого Престола» [Tocqueville 1990, 348]. Чтобы смягчить волю Пия IX, он будет стремиться привлечь на свою сторону другие католические державы (Австрию, Испанию, Неаполитанское королевство), хотя без особого успеха¹⁴.

Тем не менее Алексис де Токвиль был готов довольствоваться малым, хотя бы символическими реформами, на которые можно было бы указать обществу, чтобы ослабить оппозиционные настроения. На всем протяжении переговоров он внимательно следит за общественным мнением. Склонный придавать большое значение тому, что о нем думают другие, при решении этого вопроса он гораздо менее озабочен реальностью реформ, которые должно осуществить папское правительство, чем необходимостью защитить образ католической церкви в глазах мирян. Он больше озабочен внешним впечатлением, чем существом вопроса, и занимает твердую позицию только по вопросу об амнистии, которую он желает видеть максимально

¹⁴ Несмотря на заверения, полученные от аккредитованных послов в Париже, несмотря на беседы с участниками конференции в Гаэте, ему не удастся это сделать.

широкой. Так, 2 сентября 1849 г. он подтвердил свою готовность к существенным уступкам в отношении реформ, ожидаемых от Рима, «при условии, что будут... полностью решены вопросы, не затрагивающие политику, прежде всего, вопрос об амнистии, и только с номинальными исключениями. Разве папа не может быть таким же милосердным, как правитель Шпильберга?» [Tocqueville 1983a, 279]. Остается еще вопрос о светской власти папы, и это весьма деликатный вопрос.

Как министр иностранных дел Токвиль испытывает сильное давление со стороны своих коллег в правительстве и президента, желающих, чтобы папа принял требования Франции. Будучи далекими от религии, а порой даже тайными антиклерикалами, члены правительства не считают нужным церемониться с папой и не испытывают к нему такого уважения, как Токвиль и его друг Фаллу. Министры-либералы солидарны в этом отношении с Луи-Наполеоном Бонапартом. В кабинете министров Токвилю приходится отчаянно бороться, чтобы убедить принца-президента не высказывать публично своего раздражения непримиримой позицией папского двора. Так, 18 августа он признается: «Моя роль... заключалась в том, чтобы умиротворять и подводить к разумным решениям. Мы говорили только об отказе признавать папскую власть в Риме и провинциях, которые мы занимаем» [Tocqueville 1983a, 360–361]. Несколько дней спустя он настаивает, чтобы письмо, которое Луи-Наполеон отправляет 17 августа 1849 г. Эдгару Нею, носило конфиденциальный характер. Хотя Токвиль, опираясь на мнение Фаллу, не возражает по существу этого письма, он выражает сожаление по поводу его весьма недипломатического тона. В сентябре, когда его коллега-министр народного просвещения в расстроенных чувствах покидает заседания правительства, Токвиль прилагает все усилия, чтобы умерить антиклерикальный пыл своих коллег. Так, он пишет Корселию 2 сентября 1849 г.: «Возможно вы считаете, что я излишне воодушевлен... Что ж! Только я один в течение десяти дней после ухода Фаллу противостоял Совету, так что мои друзья начали меня подозревать, и не позволял ему занять воинственную позицию. Президент, впрочем, становится неуправляемым в этом вопросе, и... без моего постоянного противодействия мы были бы уже далеки от занимаемой позиции» [Tocqueville 1983a, 380]. Его прогноз подтвердился несколькими днями позже, когда Луи-Наполеон опубликовал письмо, адресованное Нюю, нарушив обещание, которое он дал Фаллу и Токвилю.

Одновременно Токвилю приходится противостоять интригам некоторых представителей большинства. Насколько Токвиль удовлетворен позицией легитимистов – «представителей большинства, с которыми у нас, как мне представляется, прекрасные контакты»

[Tosqueville 1983a, 197], тесно сотрудничая с Фаллу, с которым он в наилучших отношениях, настолько он удручен интригами консерваторов, которые пишут в Рим папе, советуя ему твердо стоять на своем, прежде всего, Тьера и Моле, единственной заботой которых является ослабление правительства, членами которого они не являются.

Ему приходится согласовывать свои действия с командующим экспедиционными силами генералом Удино, которого он считает недостаточно компетентным¹⁵. Ему также надо направлять в нужное русло благочестие своего посла Корселья. Франциск де Корсель, находившийся в родстве с Лафайетом, обратился в католичество, а испытания, выпавшие на долю его семьи, только укрепили его в вере. Он пишет о своей встрече с Пием IX, состоявшейся 17 июля 1849 г.: «Вы не можете себе представить, какой прием оказал мне этот удивительный и святой человек. Я не знаю никого другого, в ком было бы столько благодати и доброты. Это человек с возвышенной и широкой душой» [Tosqueville 1983a, 327]. После встречи со Святым Отцом Корсель очень быстро забывает, что в Гаэту он прибыл не как паломник, а как представитель интересов Франции. Это сказывается на его работе дипломата, в некоторых своих посланиях он выступает как адвокат папы римского. Иногда Токвилю приходится повышать тон, чтобы напомнить ему о его миссии, но это дается ему нелегко, поскольку их связывает тесная дружба. С конца августа Корсель периодически высказывает возражения против слишком резкого тона инструкций Токвиля, хотя тот и так старается существенно смягчить требования принца-президента и правительства.

Начиная с июля, реформы, проведения которых Франция требует от Святого Престола, постепенно тонут в потоке красноречия. Токвиля не устраивают обещания кардинала Антонелли, он ожидает публичных, конкретных действий. «Очевидно, что нас обманывают и над нами смеются. Папский двор дурачит нас, как детей, кормит нас обещаниями, тогда как по свершившемуся факту он возобновил практику всех своих дореволюционных злоупотреблений», — пишет он Корселью 30 июля 1849 г. в сильном раздражении от протокольной ошибки, которую кардинал-секретарь государства вменил ему в вину, поскольку Токвиль не вручил ему письма с аккредитацией, как положено [Tosqueville 1983a, 340]. В последующие дни тон переписки смягчился, но тем не менее пессимизм министра продолжает возрастать. Он должен принимать меры, чтобы Франция сохраняла

¹⁵ С конца июня Токвиль пытается найти ему замену, но генерал Ламорисьер отклоняет его предложение, а после кончины генерала Бюжо генералу Шангарнье необходимо оставаться в Париже. Генерал Одино продолжает руководить военными действиями с медлительностью, которую министр иностранных дел считает губительной. Только 7 августа Токвиль добивается от принца-президента отзыва генерала Удино.

хорошие отношения со Святым Престолом, но в то же время он намерен отстаивать национальную честь. Он не должен допустить, чтобы Франция играла нелепую роль в соглашении о восстановлении власти ненавистных чиновников, злоупотребления которых способны привести к ослаблению католической веры во всем мире. Он с раздражением реагирует на папский рескрипт, т.н. «*motu proprio*» (от лат. «по собственной инициативе»), от 12 сентября 1849 г.¹⁶: «Я считаю, что *motu proprio* – это непревзойденный образец политической изворотливости, а не обещание, подкрепленное возможностью его выполнения, не уступка, предполагающая обязательное соблюдение, и не либеральный институт, ценность которого невозможно свести на нет с помощью одного лишь разъяснения или дополнения» [Tocqueville 1983a, 435–436]. 18 октября 1849 г. с трибуны Национального собрания министр иностранных дел высказывает свое разочарование, говоря, что *motu proprio* содержит «благие ростки», которые необходимо пестовать, «чтобы гарантировать, что в стране не произойдут новые революции, для чего следует удовлетворить наиболее разумные пожелания умеренной партии» [Tocqueville 1983a, 352]. В отсутствие серьезных реформ Токвиль, пессимизм которого все усиливается, готов удовлетвориться широкомасштабной амнистией. Но даже в этом отношении *motu proprio* вызывает глубокое и болезненное разочарование. «Это политически недальновидный и одиозный акт. Я изучил... все амнистии, которые были объявлены в Европе за тридцать четыре года, и все они мне кажутся шедевром милосердия по сравнению с этой... за исключением, впрочем, амнистии Фердинанда VII в 1823 г.» [Tocqueville 1983a, 437]. В связи с этим Токвиль предписывает Корселя проявлять уважительную твердость: Франция пришла в Италию не для того, чтобы проводить полицейские операции, и не для того, чтобы покрывать своим авторитетом аресты и казни. Для Токвиля это вопрос принципа. Здесь, по его мнению, затронута честь Франции: «Я вам столь часто писал... что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы на наших глазах и под нашим флагом осуществлялась политическая месть, что больше не хочу повторяться... По этому вопросу правительство не высказывает мнений и не выражает желаний. Оно занимает позитивную и непоколебимую позицию. Принято решение довести дело до конца, не идти на уступки... Нам остается утешаться только тем, что... мы, по крайней мере, можем спасти людей... это не наставление, это приказ» [Tocqueville 1983a, 422]¹⁷. Он рекомендует своему посланнику

¹⁶ В *Motu proprio* от 12 сентября 1849 г. папа римский обещает реформы, но не излагает их детали. – *Прим. пер.*

¹⁷ Когда Токвиль писал это письмо, он еще не знал содержания *motu proprio* [Tocqueville 1983a, 438].

придерживаться в общении с папой такого языка: «Святой Отец... мы не настаиваем, чтобы Ваше Святейшество, который является суверенным правителем, простило своих врагов, но мы имеем право просить Вас не преследовать их, пока мы находимся в стране» [Tocqueville 1983a, 438]. По настоянию министра иностранных дел Франция поддерживает эмиграцию революционеров, которые подвергаются гонениям папского правительства.

Однако этот поборник религии неприятно поражен незначительным характером этой амнистии. Если принц-президент просто рвет и мечет от того, что Святой Престол игнорирует требования Франции, то Токвиль испытывает огромную боль из-за неспособности папского правительства простить своих противников. Как будто бы викарий Христа проявит меньше великодушия, если его огорчит король Пруссии. Хотя Токвиль вовсе не ощущает «некоторую антиклерикальную горечь», о которой пишет Андре Жарден, он с тревогой наблюдает, как католицизм отступает в свою крепость, разрушая мосты, соединяющие его с мирской жизнью, «даже по наиболее умеренным и ясным позициям» [Tocqueville 1983a, 439]. Он видит, что религия, которая, по его мнению, должна направлять в нужное русло пагубные влияния эгалитарной демократии, из-за политических ошибок некоторых ее высокопоставленных служителей тормозит новый подъем благосклонного интереса вместо того, чтобы обратить его в свою пользу, и тем самым ослабляет преграду на пути подрывной революционной деятельности. «Католическая церковь» сегодня «неотделима от мирового порядка», — пишет он своему другу Корселю 12 сентября 1849 г. [Tocqueville 1983a, 399].

По мнению Токвилля, этот вопрос приобретает мировые масштабы. Он заявляет об этом с трибуны Законодательного собрания 6 августа 1849 г. в ходе дебатов с христианским демократом Фредериком Арно, депутатом от Арьежа, воспользовавшись этой возможностью, чтобы торжественно объявить о своих религиозных убеждениях: «Я глубоко восхищен, более, чем в состоянии выразить, этой замечательной моральной силой, величайшей из когда-либо существующих, которая называется католической верой. Я убежден, что общества, зародившиеся в ее лоне, не смогут мирно существовать без нее в течение достаточно продолжительного времени. Я страстно желаю ее сохранить, но не просто сохранить, я желаю, чтобы она укрепила свою способность управлять и распространяться в мире» [Tocqueville 1990, 330].

* * *

В этом — его символ веры, пророческий характер которого мы способны оценить в наше время, когда стареющие и слабеющие европейские нации, стремясь написать свою историю с чистого листа,

не хотят признавать заслуги христианства, когда-то вдохнувшего в них душу.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Токвиль 1997 – *Токвиль А. де*. Старый порядок и революция / пер. М.М. Федоровой. – М.: Московский философский фонд, 1997.

Токвиль 2000 – *Токвиль А. де*. Демократия в Америке / пер. В.Т. Олейника и др. – М.: Весь мир, 2000.

Antoine 2003 – *Antoine A.* L'impensé de la démocratie. – Paris: Fayard, 2003.

Falloux 1888 – *Falloux A.* Mémoires d'un royaliste. T. I. – Paris: Librairie académique Didier, 1888.

Giovacchini, Vannier 1985 – *Giovacchini D., Vannier G.* Tocqueville et les Lumières // Analyses et réflexions sur Tocqueville. De la Démocratie en Amérique. – Paris: Ellipses, 1985. P. 58–64.

Girard 1985 – *Girard L.* Les libéraux français. – Paris: Aubier, 1985.

Jardin 1984 – *Jardin A.* Alexis de Tocqueville, 1805–1859. – Paris: Hachette, 1984.

Leca 1988 – *Leca A.* Lecture critique d'Alexis de Tocqueville. – Aix-en-Provence: Presses universitaires d'Aix-Marseille, 1988.

Martin 2008 – *Martin X.* Régénérer l'espèce humaine. Utopie médicale et Lumières (1750–1850). – Poitiers: Dominique Martin Morin, 2008.

Mewly 2002 – *Meuwly O.* Liberté et société: Constant et Tocqueville face aux limites du libéralisme moderne. – Genève: Librairie Droz, 2002.

Pocock 1997 – *Pocock J.G.A.* Le moment machiavélien ; la pensée politique florentine et la tradition républicaine atlantique. – Paris: PUF, 1997.

Rials 1987 – *Rials S.* Révolution et Contre-Révolution. – Paris: DUC, 1987.

Saint-Victor 2007 – *Saint-Victor J.* Les Racines de la liberté; le débat français oublié (1689–1789). – Paris: Perrin, 2007.

Spitz 1995 – *Spitz J.-F.* La liberté politique. – Paris: PUF, 1995.

Tocqueville 1964 – *Tocqueville A.* Souvenirs. – Paris: Gallimard, 1964.

Tocqueville 1983a – *Tocqueville A.* Oeuvres complètes. Tome XV, Correspondance d'Alexis de Tocqueville et de Francisque de Corcelle. Vol. 1. – Paris: Gallimard, 1983.

Tocqueville 1983b – *Tocqueville A.* Oeuvres complètes. Tome XV, Correspondance d'Alexis de Tocqueville et de Francisque de Corcelle. Vol. 2. – Paris: Gallimard, 1983.

Tocqueville 1988 – *Tocqueville A.* État social et politique de la France avant et après 1789 // *Tocqueville A.* L'Ancien Régime et la Régime : Fragments et notes inédites sur la Révolution. – Paris: Flammarion, 1988. P. 43–86.

Tocqueville 1990 – *Tocqueville A.* Oeuvres complètes. Tome III, Écrits et discours politiques. Vol. 3. – Paris: Gallimard, 1990.

REFERENCES

Antoine A. (2003) *L'impensé de la démocratie*. Paris: Fayard (in French).

Falloux A. (1888) *Mémoires d'un royaliste* (Vol. 1). Paris: Librairie académique Didier (in French).

Giovacchini D. & Vannier G. (1985) Tocqueville et les Lumières. In: *Analyses et réflexions sur Tocqueville. De la Démocratie en Amérique* (pp. 58–64). Paris: Ellipses (in French).

Girard L. (1985) *Les libéraux français*. Paris: Aubier (in French).

Jardin A. (1984) *Alexis de Tocqueville, 1805–1859*. Paris: Hachette (in French).

Leca A. (1988) *Lecture critique d'Alexis de Tocqueville*. Aix-en-Provence: Presses universitaires d'Aix-Marseille (in French).

Martin X. (2008) *Régénérer l'espèce humaine. Utopie médicale et Lumières (1750–1850)*. Poitiers: Dominique Martin Morin (in French).

Meuwly O. (2002) *Liberté et société: Constant et Tocqueville face aux limites du libéralisme moderne*. Genève: Librairie Droz (in French).

Pocock J.G.A. (1997) *Le moment machiavélien ; la pensée politique florentine et la tradition républicaine atlantique*. Paris: PUF (in French).

Rials S. (1987) *Révolution et Contre-Révolution*. Paris: DUC (in French).

Saint-Victor J. (2007) *Les Racines de la liberté; le débat français oublié (1689–1789)*. Paris: Perrin (in French).

Spitz J.-F. (1995) *La liberté politique*. Paris: PUF (in French).

Tocqueville A. (1835–1840) *De la démocratie en Amérique* (Vols. 1–2). Paris: C. Gosselin (Russian translation: Moscow: Ves' mir, 2000).

Tocqueville A. (1856) *L'Ancien Régime et la Révolution*. Paris: Michel-Lévy frères (Russian translation: Moscow Philosophical Fund, 1997).

Tocqueville A. (1964) *Souvenirs*. Paris: Gallimard (in French).

Tocqueville A. (1983) *Oeuvres complètes. Tome XV, Correspondance d'Alexis de Tocqueville et de Francisque de Corcelle* (Vol. 1). Paris: Gallimard (in French).

Tocqueville A. (1983) *Oeuvres complètes. Tome XV, Correspondance d'Alexis de Tocqueville et de Francisque de Corcelle* (Vol. 2). Paris: Gallimard (in French).

Tocqueville A. (1988) État social et politique de la France avant et après 1789. In: Tocqueville A. *L'Ancien Régime et la Régime : Fragments et notes inédites sur la Révolution* (pp. 43–86). Paris: Flammarion (in French).

Tocqueville A. (1990) *Oeuvres complètes. Tome III, Écrits et discours politiques* (Vol. 3). Paris: Gallimard (in French).